

Прагматика – функциональная перспектива языка

АНАТОЛИЙ Г. БАРАНОВ

(Краснодар)

Синергетический характер эволюции лингвистики как системы знания в ретроспективе позволяет отметить целый ряд аттракторов, которые проявили себя в разгар увлечения структуралистскими штудиями в попытках выстроить лингвистику по образцу точных наук. «Аттрактор – понятие *синергетики*, означающее возможное состояние неустойчивой *системы*, в которой ее устойчивость возрастает. Устойчиво неравновесная система в фазе *бифуркации* (*полифуркации*) имеет более одного А. и, соответственно, несколько *параметров порядка*. В этой связи различаются типы А... Аттрактор странный – состояние *устойчивости* на более высоком уровне неравновесия со средой». (Назаретян 2004: 303). Среди таких странных аттракторов немаловажную роль играла и играет функциональная стилистика, в развитии которой большая роль принадлежит М.Н. Кожиной и ее школе. Это одно из направлений исследования, которое поставило во главу угла функционализм с социально-психологическим уклоном, интегративный взгляд как на стилистику ресурсов, так и динамику узуса, что позволило данному направлению не только сохранить наработки в стилистике, но и включить в исследовательскую практику новейшие научные идеи в области анализа дискурса, прагмалингвистики и др.

Исследование функционально-речевой системности по необходимости вытолкнуло представителей данной школы на уровень признания текста как основной единицы анализа. А наиболее существенным достижением можно считать формулирование

функциональной семантико-стилистической категории (ФССК), которая определяется как «система разноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля) т.е. выполняющих какую-либо определенную функцию, реализующую тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля» (Кожина 1998: 10-11). По отношению к ряду функциональных стилей (прежде всего научному, но и публицистическому) определенная работа по описанию ФССК ведется достаточно интенсивно. Выделены такие ФССК как оценки, диалогичности, субъективности и др. (Дускаева 2004; Баженова 2001).

Наше видение исследовательских практик позволяет утверждать, что в настоящее время более широкий формат предлагается в прагматическом направлении, при условии, что оно не рассматривается как один из уровней структурной семиотики, а выделяется в функциональную перспективу языка. Наша позиция заключается в том, что прагматика - это полная семиотика, в которую инкорпорированы как составляющие части семантика и синтактика. Кроме того, прагматика в сути своей психологична, и социологична (Баранов 1993: 12-14). Функциональная прагматика как самодовлеющая перспектива ориентируется прежде всего на текст как социальную интеракцию. Ее главной задачей выступает исследование текста в динамике (дискурса).

Осевой методологической эвристикой функциональной прагматики выступает сформулированное Н. Хомским положение, что более адекватно рассматривать язык как систему знаний в интеллекте человека, которая имеет, подчеркнем, динамическую неравновесную природу... Когнитивный подход к языку в действии предполагает рассмотрение проблемы взаимосвязи языка, сознания/интеллекта и действительности. Соответственно, изменяется и отношение к контексту. Если до периода функциональной прагматики обращение к контексту за пределами языковых отношений было эпизодическим, то теперь это методологическое требование. Вопрос лишь в том, что рассматривать как контекст, то есть, что релевантно в том или ином случае общения. Вообще, эволюция лингвистики в двадцатом столетии прослеживается именно по расширению контекста, начиная с первых этапов уровневой лингвистики.

Функциональный когнитивно-прагматический подход к исследованию предполагает, что глобальным контекстом выступает индивидуальная когнитивная система (ИКС) – многомерная и многофакторная структура социального опыта человека. Проблематичной же является актуализация релевантных фрагментов опыта в той или иной дискурсивной ситуации. Сложность выражения зависит от количества информации, необходимой для его восстановления. На это нацелены многочисленные исследования. И проблема здесь лежит в том, что знания неоднородны. Прежде всего их подразделяют на дискретные знания (научные) и знания-переживания, формализация которых представляет огромные трудности. Именно поэтому ограниченный успех имеют программы так называемого конструктивного понимания текста, в которых остается «осадок» знаний-переживаний, не поддающийся формализации напрямую. Один из путей – применение герменевтических эвристик

Когнитивно-прагматический подход к анализу текста предполагает расширение контекста. Рассматривая как взаимообусловленные проблему расширения контекста прагматического анализа и проблему таксономии прагматик, Г. Паррэ выделял в свое время пять видов корреляций, перекрещивающихся и дополняющих друг друга: ко-текст как контекст – прагматика текста; экзистенциальный контекст – логическая прагматика; ситуативный контекст – социопрагматика; акциональный контекст – прагматика речевого акта; психологический контекст – психологическая прагматика (Parret 1983: 94-98).

Задача состоит в том, чтобы рассматривать эти виды контекстов и прагматик как единый интегрированный комплекс. Выделение интерконтекста и утвердившееся в настоящее время понятие интертекста позволяют нам ввести дополнительно когнитивный контекст (как зонтичный термин, охватывающий другие контексты) и прагматику когнитивного ряда.

Мы рассматриваем эту область разысканий основной в формировании современного состояния науки о языке – через расширение контекста происходит наработка исследовательских процедур в современной научной парадигме, в обозначении которой используются разные термины; но суть одна – переход от идеалов классической науки, которым молилось структуралистское направление, к неклассической и даже постнеклассической науке, где существенными чертами исс-

ледования являются: преодоление редукционизма классической науки, плюрализм подходов, принцип дополнительности и метод моделирования (Назаретян 2004: 12-14). Ломаются граница дисциплин и наук, сближаются методологические принципы точных и гуманитарных наук. Существенными точками приращения знаний становятся проблемные области, в которых средствами разных наук, интегративно (конфигурирование знаний), решаются поставленные вопросы. В лингвистическом ареале знаний такими проблемными областями выступают две глобальные задачи – порождение и понимание текста, разрешение которых мы видим в когнитивно-прагматической перспективе.

Любое высказывание на естественном языке не более чем намек на описываемые обстоятельства: «... a very lean allusion to the very rich set of circumstances...» (Shank and Kass 19894: 188). Поэтому вся сложность обсуждаемой проблематики – привлечение разнообразных контекстов (что равносильно экспликации релевантных знаний) – высвечивается в попытке построить интерпретационную модель даже небольшого текста, определяемого как «*language occurrence in communicative setting*» (Beaugrande 1985: 48).

Рассмотрим фрагмент текста из детективного романа известного автора в пошаговом представлении динамики его развертывания.

1. ... I went to find Stewart ...
No, he had no idea where Billson might have gone. In fact, he knew nothing about Billson, full stop.
  2. 'Isn't that a little odd for a department head? Surely you know something about your subordinates?'
  3. 'He's a very strange man,' said Stewart. 'Reserved most of the time but capable of the most frantic outbursts occasionally. Sometimes he can be very difficult.'
  4. 'In what way?'
  5. Stewart shrugged. 'He goes on about injustice; about people not being given the proper credit for achievement. He's very bitter about it.'
  6. 'Meaning himself?'
  7. 'No; it was always about others being repressed or cheated.'
- (D. Bagley: Flyaway, 1979: William Collins Sons & Co Ltd.,p.14)

Первоначально необходимо представить информацию, предшествующую данному фрагменту текста, в соответствии с процедурой учета предшествующей информации.

Стаффорд, глава охранного бюро, получает сведения о том, что на обслуживаемой ими фирме исчез работник, и есть проблемы с получением информации по этому инциденту. Стаффорд, которому надоела управленческая работа в офисе (*paper-work*), решает «разветаться» и лично разобраться в этом рутинном деле (*field-work*). На фирме его направляют к Стюарту, заведующему бухгалтерией, непосредственному начальнику исчезнувшего Биллсона.

В первом шаге текстового фрагмента представлена информация о встрече Стаффорда и Стюарта и начале их разговора в классическом скважном модусе порождения текста (Жинкин 1998: 65) – встреча двух руководителей, знакомство, вопрос Стаффорда, ответ Стюарта, который представлен в виде несобственно-прямой речи. Последнее позволяет автору не только обозначить резкий отрицательный ответ, но и имплицитно подчеркнуть нежелание Стюарта сотрудничать со Стаффордом через выражения *no idea, might have gone, in fact* и особенно *full stop*. Институциональная (деловая) беседа по сбору информации о Биллсоне начинает разворачиваться неконвенционально. Стюарт нарушает пресуппозиции такой беседы, то есть ее рутинную модель.

Второй шаг представляет реплику-реакцию Стаффорда, представленную двумя косвенными высказываниями, смысл которых – экспликация пресуппозиций конвенциональной институциональной беседы. [«Вы, как руководитель, обязаны знать и знаете какую-то информацию о своем подчиненном». «Вы обязаны по долгу службы мне ее сообщить. Иначе санкции – за утаивание информации»].

Отрицательно-вопросительная форма первого высказывания и выражения *a little, odd* напоминают Стюарту не только о его обязанностях, но выражают удивление Стаффорда и добавляют ироничную тональность разговору. Второе высказывание только усиливает эту тональность, добавляя тональность угрозы. Это достигается косвенной формой высказываний в вопросительной форме и поддерживается такими выражениями как *surely, something*, употребленными в нестандартных условиях семантической согласованности (коллокационное отклонение от нормы).

Далее (шаги 3, 5, 7), Стюарт, продолжая свою стратегию утаивания информации, меняет тактику. Говоря о Биллсоне, он дает информацию общего нереперентного плана, характерную для многих людей,

употребляя слова широкой, неопределенной семантики: *a very strange man, reserved, difficult, goes on about injustice, bitter, etc.*

При неизменной стратегии тактика Стаффорда также меняется (шаги 4, 6): он постоянно короткими вопросительными репликами требует уточнений.

Такое монотонное развитие диалога приводит к мысли, что за странным поступком Биллсона скрывается нечто значительное, требующее тщательного расследования. И Стаффорд это понимает – почему такая настороженность Стюарта и его нежелание давать какую-либо информацию о Биллсоне, человеке, который работает на незначительной должности в бухгалтерии, который совершенно не связан с производством и секретами фирмы. В условиях неконвенционального течения диалога возникновение тональности профессиональной настороженности, тревожности у Стаффорда вполне обоснована, что и показывает дальнейшее развитие сюжета.

Рефлексия над процедурами анализа позволяет сформулировать некоторые выводы:

1. Метод интерпретации как понимающее отношение к миру является сутью прагматической перспективы и выражается в экспликации релевантных знаний разной природы (о мире, языке, дискурсивной деятельности) в ситуации понимания. «Интерпретация есть замещение понимаемого (будь то текст или что-то еще) некоторым текстом, который по замыслу должен сделать понимаемое понятным или понятным» (Литвинов 1996:70). Мы полагаем, что к данному определению интерпретации следует добавить возможность использования всего набора интерпретантов (энергетическая, эмоциональная, логическая), которыми оперирует функциональная семиотика Ч. Пирса в раскрытии сущности семиозиса (см. Pharies 1985: 18; Eco 1990: 21). Интерпретация как метод опирается на достижения функциональной семиотики, философии диалогичности (Бахтин 1979: 350) и герменевтики (Богин 1993: 6), особенно в случаях неконвенционального развития коммуникации.

2. В интерпретации текста задействованы две процедуры учета знания: кумуляция информации в процессе развертывания текста (*bottom-up procedure*) и информация общего социокультурного плана *top-down procedure*). В качестве когнитивной модели («теории») дискурсивной

деятельности в ее жанровой специфике нами был предложен формализм когнитотипа (Баранов 1997: 334 и далее).

В выше изложенном анализе фрагмента текста мы обозначили формализм когнитотипической модели сбора конфиденциальной информации косвенно через введение релевантных пресуппозиций, как мыслительную процедуру свертывания, развертывания и иерархического перекодирования информации. Нам было важно подчеркнуть отклонение текста от конвенциональности. Полное же представление когнитотипических знаний, необходимых для восстановления когерентности данного текста, представило бы огромный объем. Тем не менее, именно когнитивная модель (в полной или свернутой ипостаси) является опорой формирования интерпретационной модели для данного конкретного фрагмента текста.

Как нам представляется, когнитотипический подход к моделированию понимающего отношения к миру позволяет решать ряд проблем дискурсивной деятельности. Отметим некоторые:

Когнитотип позволяет рассматривать дискурсивную деятельность как включенную в другие виды деятельности личности в рамках ее познавательного взаимодействия с миром. С философской точки зрения наиболее подходящим формализмом для этого служит система мыследействования (Щедровицкий 1987: 131), получившая лингвистическую интерпретацию Г.И. Богина (1993: 6). Она включает три пояса: мыследействования (МД), мыслекоммуникации (МК) и чистого мышления (ЧМ). Полноценная текстовая деятельность может реализоваться только в герменевтическом круге движения мысли в трех поясах. Наше представление когнитотипа в трех ярусах (пропозициональный, модальный и уровень социокультурных концептов) как раз призван структурировать смысловое пространство предметной и духовной деятельности общества как способ выйти за пределы герменевтического круга в семантический континуум цивилизации.

Когнитотип как представление опыта требует структурировать личность не как языковую, речевую и т.д., а семиотическую. Она включает иерархию компетенций. Главная и ведущая – это метасемиотическая компетенция, которая выражается в семиозисе через понятие интерпретант разного вида.

Существование социокультурного, группового и индивидуального когнитивных позволяет ставить вопрос о полноте и качестве знания, а, следовательно, и развитости семиотической личности. Уровень порождения и понимания текста зависит от соотношения социокультурного когнитивного типа (как полного представления знаний предметной области) с индивидуальным.

Когнитивный тип позволяет выделить инвариантную составляющую дискурсивной деятельности в массиве текстов данной предметной области и оценить потенциал вариативности конкретных текстов в ее речевых спецификах.

Текстовые реализации социокультурного когнитивного типа всегда неполны. Это значит, что содержательность текста всегда соотносится с когнитивным на метонимической основе. Когнитивная метонимия текстового уровня указывает на то, что в текстовой деятельности всегда существует оппозиция высказанного невысказанному. Вспомним смысл термина *скважность* по Н.И. Жинкину. Поэтому понимание текста носит характер восполнения как переход от восприятия содержания текста к его смыслам.

Лингвистическая составляющая когнитивного типа позволяет дополнить теорию лингвистического поля новым видом полей – когнитивными полями текста – пропозиционального и модального вида, – которые пересекаются с семантическими и модальными полями системы языка, являясь их функционально-прагматическим перевыражением в тексте.

Когнитивный тип позволяет выделить речевой жанр как тот уровень текстовой деятельности, где пересекаются все виды знаний с непосредственным выходом в проблемы порождения и понимания текста.

Мы полагаем, что в исследовании текста в динамике требуется совмещение двух взаимообусловленных моделей когнитивной и интерпретационной, которые реализуются в пересечении процедур *top-down* и *bottom-up*.

3. Выделенное в анализе проявление специфических смыслов тональности, также заслуживает оценки. Ранее мы рассматривали тональность как аспект модального компонента в информационном представлении текста в динамике. «К модальности субъективной установки примыкает атиюдная модальность тональности (шутливой, серьезной, враждебной и т.д.). Тональность наиболее характерна для межлич-

ностного общения и его имитаций в других видах текстовой деятельности, прежде всего художественной» (Баранов 1993: 233). В этом ключе было проведено исследование тональности (Багдасарян 2000). В жанрах межличностного общения она выделяет большое число тональностей (ироничную, шутливую, официальную, восторженную и т.д., всего более тридцати).

Теперь, опираясь на исследования М.Н. Кожиной и ее школы в области стилистики текста и ФССК, мы полагаем рассматривать ТОНАЛЬНОСТЬ как дискурсивную категорию, охватывающую весь спектр текстовой деятельности. Сам термин заимствован как метафорический перенос терминов «тональный», «тональность» из предметной области музыки.

Дискурсивная тональность эксплицируется во взаимодействии участников коммуникации – как эмоционально-эвалютивная равнодействующая разных сторон их когнитивных систем (рациональной, эмоциональной, психологической, социальной, ситуативной, акциональной и др.), придавая тексту в динамике дополнительную окраску и перспективу в организации информационного обмена. При порождении текста она проявляется в использовании разноуровневых вербальных и невербальных средств как неспецифических маркеров той или иной тональности. В коммуникации можно выделить формальную, ироническую, шутливую, тревожную, алармистскую, конфликтную, ксенофобическую, толерантную, доверительную и пр. Все эти аспекты дискурсивной категории толерантности требуют дальнейшего изучения. Ввиду расплывчатости, неопределенности (*fuzziness*) толерантности как аспекта коммуникации, необходимо исследование проводить как моделирование коммуникативных ситуаций в вероятностном ключе, в распределенности по дискурсам и жанрам.

Появились уже другие наработки: в жанрах обыденного общения – конфликтность, толерантность (Анисимова 2004), в жанре рекламы – выделение мажорной и минорной тональности и их взаимодействия (Шевченко 2004), в жанрах политдискурса – агрессивность (Ряпосова 2002). Например, переговоры между К. Райс и С. Лавровым в Турции от восьмого февраля 2005 года, по сообщениям СМИ, имели целью не только «прогон» сценария предстоящих в конце февраля 2005 года переговоров между президентами России и США, но и выверку

тональности переговоров, тональности, позволяющей обсуждать самые различные, включая острые, вопросы – политкорректность, толерантность, доверительность, жесткость...?

В научном дискурсе обсуждение различий между классической, неклассической и постнеклассической научными системами знаний обсуждается как разность подходов в определении истинности знания. Классическая наука характеризуется истинностной гносеологией как комплексом познавательных-коммуникативных установок на объективную истину, что накладывает определенную тональность на стиль полемики (истинно/ложно). Постнеклассическая наука ориентируется на модельную гносеологию – построение взаимодополнительных моделей, к которым применимы критерии «мощности, красоты, практической эффективности», что меняет тональность в обсуждении конкурирующих моделей (Назаретян 2004: 310).

Полагаем, что последовательное развитие прагматики как функциональной перспективы языка, совершенствование когнитивно-интерпретационного метода и его процедур позволит не только описать дискурсивные категории, но и продвинуть изучение проблематики порождения и понимания текстов.

Литература

- Анисимова А.Т., 2004, *Лингвистические проекции конфликта (дескриптивный аспект)*, Автореф. дисс...канд. филол. наук, Краснодар.
- Багдасарян Т.О., 2000, *Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков)*, Автореф. дисс. канд. филол. наук, Краснодар.
- Баженова Е.А., 2001, *Научный текст в аспекте политекстуальности*, Пермь.
- Баранов А.Г., 1993, *Функционально-прагматическая концепция текста*, Дисс. док. филол. наук, Краснодар.
- Баранов А.Г., 1997, *Когнитивность жанра, «Stylistyka»VI.*
- Бахтин М.М., 1979, *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Богин Г.И., 1993, *Субстанциональная сторона понимания*, Тверь.
- Дускаева Л.Р., 2004, *Диалогическая природа газетных речевых жанров*, Автореф. дисс... док. филол. наук, Санкт-Петербург.
- Жинкин Н.И., *Грамматика смысла.* – Н.И. Жинкин, *Язык. Речь. Творчество*, Москва.

- Кожина М.Н., 1998, *Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте, Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.* т. 2, ч. 2, Пермь.
- Литвинов В.П., 1996, *Герменевтика и социология в прагматической теории речевых актов*, «Вопросы методологии», № 1-2.
- Назаретян А.П., 2004, *Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование)*, Москва.
- Ряпосова А.Б., 2002, *Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе. «Российские федеральные выборы (1999 - 2000 гг.)»*, Автореф. дисс. канд. филол. наук, Екатеринбург.
- Шевченко О.А., 2004, *Функционирование категории эмотивности в рекламных текстах*, Автореф. дис... канд. филол. наук, Челябинск.
- Щедровицкий Г.П., 1987, *Схема мыслительности - системно-структурное строение, смысл и содержание.* – Системные исследования: методологические проблемы, Москва.
- Beaugrande R. de, 1985, *Text Linguistics in Discourse Studies.* – Handbook of Discourse Analysis. Vol. I, London, etc.
- Eco U., 1990, *The Limits of Interpretation*, Bloomington & Indianapolis.
- Parret H., 1983, *Semiotics and Pragmatics. An Evaluation Comparison of Conceptual Frameworks*, Amsterdam.
- Pharies David A., 1985, *Charls Peirce and the Linguistic sign*, Amsterdam/Philadelphia.
- Shank R. and Kass A., 1988, *Knowledge Representation in People and Machines.* – *Meaning and Mental Representations*, Bloomimngton.

Pragmatics as Functional Perspective of Language

The dynamic chaos theory applied to linguistics casts light on the role of Perm school of functional stylistics (M.N. Kozhina) as an odd attractor promoting the study of text in dynamics, especially the functional stylistic-semantic categories of text.

It is argued here that modern situation in linguistics is shaped by the application of global context (individual cognitive system - on the personal level, and culture in all its heterogeneity - on the social level) to the mainstream research of language in use. This methodological demand is met by functional pragmatics as whole semiotics embracing all aspects of semiosis. It ensures the blend of cognitive and interpretive models with their specific procedures in revealing the subtleties of language in use. That is exemplified in the analysis of a chunk of fictive text. Besides, we set forth *the category of tonality* which denotes attitudes and tones permeating discourse, in the light of M.N. Kozhina's contribution to the field.

Keywords: *language, functional style, scientific style, speech linguistics, text, dialogue form, extralinguistic factors, style of genre, dinamic concept of language.*

[e-mail: logos@phil.kubsu.ru]